

Т.Ф. Миняева, Д.А. Добряков

И ВСЕ ЖЕ, ГДЕ ПОСТАВИТЬ ЗАПЯТУЮ: «КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ»?

В статье рассматривается вопрос о смертной казни в России, а также уделяется внимание этому виду наказания в зарубежных странах. Авторы обращают внимание на противоречивый, двойственный подход государства к смертной казни при ее правовой регламентации и исполнении на примере Российской Федерации и Республики Корея. Высказывается мнение о целесообразности отмены моратория на исполнение смертной казни в России, как недостаточной и неоднозначной полумеры. Отмечается различие целей наличия смертной казни в системе наказаний и ее применении к конкретному лицу. В статье подчеркивается, что применение смертной казни за предусмотренные законом преступления не противоречит принципу гуманизма с позиций порядка ее исполнения и решения задач уголовного права.

Ключевые слова: смертная казнь; мораторий; наказание; особо тяжкое преступление; гуманизм; право на жизнь.

*«Если нужно отменить смертную казнь,
пусть господа убийцы начнут первыми»*

Альфонс Карр

Проблема смертной казни не утрачивает своей актуальности. Ответ на вопрос о том, есть ли в современной России смертная казнь, звучит так – «и не то, чтобы да, и не то, чтобы нет». Действительно, ситуация представляется неоднозначной, ведь, с одной стороны, смертная казнь согласно ч. 2 ст. 20 Конституции РФ «впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни».

С другой стороны, в мае 1996 г. волей Конституционного Суда РФ был введен мораторий на исполнение смертной казни (Указ Президента РФ от 16 мая 1996 г. № 724). В июне того же года принимается Уголовный кодекс РФ, который установил систему наказаний (ст. 44 УК РФ), где смертной казни (ч. 1 ст. 45 УК РФ) отведена роль самого строгого основного вида наказания. В декабре 1996 г. был

принят Уголовно-исполнительный кодекс РФ, впервые выделивший специальный раздел VII (глава 23, ст. ст. 184–186), всецело посвященный исполнению наказания в виде смертной казни.

В 1999 г. Конституционный Суд РФ подтвердил мораторий на исполнение данного вида наказания (постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № П-3), отметив неконституционность возможности назначения и исполнения наказания в виде смертной казни без распространения суда с участием присяжных заседателей во всех регионах России. А в январе 2007 г. в пункте 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» № 2 сделана оговорка, поясняющая, в каких случаях смертная казнь не может применяться. В ноябре 2009 г. Конституционный Суд РФ продлил ранее установ-

ленный мораторий на смертную казнь бес­срочно (Определение Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р), хотя определенные им ранее условия отмены моратория были выполнены.

С одной стороны, Конституционный Суд РФ, как казалось, предопределил будущее смертной казни, с другой – в декабре 2009 г. законодатель внес в текст уголовного закона дополнение (ч. 2¹ ст. 59 УК РФ) о том, что смертная казнь «не назначается лицу, выданному Российской Федерации иностранным государством для уголовного преследования в соответствии с международным договором Российской Федерации или на основе принципа взаимности, если в соответствии с законодательством иностранного государства, выдавшего лицо, смертная казнь за совершенное этим лицом преступление не предусмотрена или неприменение смертной казни является условием выдачи, либо смертная казнь не может быть ему назначена по иным основаниям». А в декабре 2012 г. были внесены изменения в статью 185 УИК РФ о правовом положении осужденного к смертной казни. Как видим, законодатель, а равно и Верховный Суд РФ не оставляют смертную казнь без внимания.

Наблюдается явная «противоречивость» подхода государства к судьбе рассматриваемого наказания в уголовном праве России.

Противоречивость, особенно заметна тогда, когда речь заходит о преступлениях, представляющих повышенную опасность по признаку посягательства на жизнь человека (включая беременных женщин и лиц, заведомо находящихся в беспомощном состоянии, т.е. малолетних детей, пожилых людей и прочих), человечества, жизнь отдельных лиц (государственного или общественно­го деятеля, судьи, присяжного заседателя и др.). Конституция РФ объясняет исключительность установления смерт­ной казни ограничением круга деяний – за особо тяжкие преступления против

жизни. В УК РФ к таким деяниям относятся: квалифицированное убийство (ч. 2 ст. 105 УК РФ); посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ); посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ); посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ); геноцид (ст. 357 УК РФ).

Однако это наказание не предусмотрено за убийство без квалифицирующих признаков (ч. 1 ст. 105 УК РФ), которое законодатель изначально отнес к категории особо тяжких преступлений. Не предусмотрена она и за такие деяния, как террористический акт, захват заложника, повлекшие умышленное причинение смерти человеку (п. «б» ч. 3 ст. 205 и ч. 4 ст. 206 УК РФ), которые не только сами по себе являются особо тяжкими преступлениями, но и фактически содержат в качестве квалифицирующих признаков другое особо тяжкое преступление (ч. 2 ст. 105 УК РФ), за которое смертная казнь предусмотрена. Говоря о проблемах справедливости Н.А. Лопашенко указывает, что «выводя убийство, совершенное в связи с террористическим актом и захватом заложников, из ч. 2 ст. 105 УК РФ в составы других особо тяжких преступлений (за исключением ч. 1 ст. 206 УК), законодатель исключил смертную казнь из числа возможных наказаний за это преступление. Нельзя поэтому утверждать, что санкции ч. 3 ст. 205 и ч. 4 ст. 206 УК РФ – справедливее санкций остальных составов, в рамках которых совершается убийство; как раз наоборот» [3, с. 73].

При этом установленное в санкциях ч. 3 ст. 205 (применительно к п. «б»)) и ч. 4 ст. 206 УК РФ наказание в виде лишения свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет явно ниже возможного ранее срока назначения наказаний по совокупности преступлений. До изменений, внесенных в ст.ст. 205 и 206 УК РФ в декабре 2008 г. Федеральным законом от 30 декабря 2008 г. № 321-ФЗ умыш-

ленное причинение смерти в ходе террористического акта или захвата заложника образовывало совокупность преступлений (с соответствующим пунктом ч. 2 ст. 105 УК РФ) и лишение свободы могло быть назначено на срок до 25 лет. В то же время в ч. 3 ст. 205 и в ч. 3 ст. 206 УК РФ наказание в виде лишения свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет предусматривалось за причинение при совершении этих преступлений смерти по неосторожности.

Получается, что, понижая санкции за причинение смерти человеку по неосторожности в процессе совершения террористического акта или захвата заложника, законодатель одновременно снижает санкции за умышленное причинение смерти в процессе совершения этих преступлений, ведь ранее за подобные деяния по совокупности преступлений были возможны более длительные сроки лишения свободы и смертная казнь. Что это – невнимательность законодателя? Если отсутствие в санкциях упомянутых норм смертной казни можно объяснить ее нецелесообразностью в условиях моратория, то как объяснить меньший предел максимального срока лишения свободы (по сравнению с его назначением при совокупности преступлений)?

Говоря о масштабах и частоте внесения изменений в текст уголовного закона, М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин отмечают: «Интенсивные процессы его (Уголовного кодекса РФ. – Прим. Авт.) реформирования не только подвергли серьезной эрозии начала системности и внутренней непротиворечивости уголовного закона, необходимые для эффективного функционирования отрасли, но и поставили под угрозу сохранение собственной идентичности уголовного права» [1, с. 7]. Очевидно, что реформирование закона не всегда имеет только лишь позитивный эффект, особенно если проводится ситуативно и без надлежащей проработки.

Отметим здесь «заодно» и явные противоречия в установлении минимальных

пределов лишения свободы на определенный срок: от восьми (ч. 2 ст. 105), двенадцати (ст.ст. 277, 295, 317, 357), пятнадцати (п. «б» ч. 3 ст. 205 и ч. 4 ст. 206 УК РФ) до двадцати лет, как альтернативы смертной казни и пожизненному лишению свободы. Исходя из приведенных выше сроков лишения свободы в санкциях конкретных статей УК РФ можно сделать вывод о том, что жизнь «обычного» гражданина защищается законом менее сурово (а значит, и меньше ценится государством), чем жизнь, например, государственного или общественного деятеля, а за посягательства на их жизнь предусмотрена смертная казнь. За убийство во время совершения террористического акта или захвата заложника (а это может быть и несколько лиц) предусмотрен больший минимальный предел лишения свободы, но смертная казнь не включена.

Можно констатировать, что по отношению к смертной казни наша страна заняла позицию, точно характеризующую выражением «и вашим, и нашим». Подписание Дополнительного протокола № 6 «Относительно отмены смертной казни» (Страсбург, 1983 г.) к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 1950 г.), процесс его ратификации и, соответственно, вступления в силу явно «затянулись», Россия оказалась связанной, с одной стороны, обязательствами, вытекающими из ст. 18 Венской конвенции «О праве международных договоров» 1969 г. и позиции Европейского Суда по правам человека, признавшего смертную казнь нарушением права человека на жизнь, а с другой – мнением российского общества.

Опрос общественного мнения по вопросу о том, быть или не быть смертной казни, показывает, что две трети россиян (по разным оценкам – от 69 до 87%¹) за наличие этого наказания в законе и применение его к действительно виновным в умышленном посягательстве на жизнь человека.

¹ URL: <http://www.fom.ru/TSennosti/11722> (дата обращения: 27.10.2015).

Настораживает тот факт, что ряд юристов, политических деятелей и практических работников, проповедуя отмену смертной казни «как узаконенное убийство» спокойно утверждают, что, если случится у них лично что-то подобное «ужасу лишения жизни их близких», сами «зверски растерзают злодея», но государству это непозволительно (что подтверждают и опрошенные авторами респонденты).

Представляется, что такое «отделение», «обособление» себя от государства и отказ государству в праве (а это, по нашему мнению, его обязанность) даже не «зверски» и спонтанно расправляться с отдельными категориями преступников, а избавлять общество от угрозы, исходящей от этих преступников и воплотившейся в совершении особо тяжких преступлений против жизни, в рамках предусмотренной законом процедуры исполнения, выглядит как минимум не слишком последовательно, а также вырабатывает пассивное отношение к бедам и горю других людей.

Говоря о процедуре исполнения смертной казни, обратим внимание на то, что в России регламентированный действующим законодательством процесс исполнения смертной казни максимально (насколько это возможно) исключает возможность причинения осужденному моральных и физических страданий. Достижение целей, и в особенности цели частной превенции, смертной казни заложено в самой ее сути и непосредственно связано с ее карательным содержанием. Напротив, положение ст. 6 Всеобщей декларации прав человека «Каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности» нашло отражение в ст. 185 УИК РФ «Правовое положение осужденного к смертной казни».

Представляется, что, несмотря на частые утверждения обратного, смертная казнь обладает большим общепредупредительным эффектом – но с условием неотвратимости наступления данного наказания за совершение конкретных деяний лицом, в вине которого нет сом-

нений. В настоящее время лица, допускающие и совершающие убийство во время террористического акта или захвата заложников, не имеют дополнительного и существенного сдерживающего фактора в виде вероятности быть осужденными к смертной казни, зная, что, если они не будут убиты при задержании, худшее, что их ожидает – пожизненное лишение свободы. При пожизненном же лишении свободы возможно условно-досрочное освобождение от отбывания наказания по отбытии двадцатипятилетнего срока наказания, да и можно «жить и надеяться».

Но наказания в виде двадцатипятилетних и более длительных (30 лет) сроков лишения свободы могут быть назначены лицам и по совокупности преступлений (или приговоров) за совершение ими преступлений, степень общественной опасности которых не выдерживает никакого сравнения с жестокими убийствами ни в чем не повинных людей, в том числе детей.

В некоторых странах, в том числе и СНГ, к решению поставленного выше вопроса относятся иначе. Так, новый УК Республики Казахстан содержит смертную казнь в перечне основных наказаний за преступления (ч. 2 ст. 40). Смертная казнь в соответствии со ст. 47 УК Казахстана как исключительная мера наказания устанавливается за террористические преступления, сопряженные с гибелью людей, а также за особо тяжкие преступления, совершенные в военное время, с предоставлением приговоренному права ходатайствовать о помиловании.

Трудно оспорить то, что смертной казнью нарушается право человека на жизнь. Однако государство должно здесь уподобиться Фемиде и поместить на одну чашу весов право преступника на жизнь, а на другую не только содеянные им злодеяния и социальную справедливость, но и перспективы рецидива. При этом российское законодательство предлагает отнимать жизнь у преступника сравнительно (с самосудами) гуманно. Для более контрастного оттенения непу-

бличного расстрела мы не будем упоминать здесь сожжение на электрическом стуле (отдельные штаты США), а обратимся к некоторым странам Ближнего Востока, относящимся к мусульманской правовой семье.

В Саудовской Аравии смертная казнь приводится в исполнение путем обезглавливания (в основном), часто публичного, что кажется довольно жестоким способом лишения человека жизни. Более того, казни подлежат не только мужчины, совершившие преступления, но также женщины и дети. За первые шесть месяцев 2015 г. казни подверглись по меньшей мере 102 человека².

В Иране смертная казнь осуществляется путем повешения и забивания камнями, хотя существует тенденция отказа от применения последнего метода, чему предшествовал отказ от обезглавливания. Показательно, что здесь казнь также не распространяется на одних лишь мужчин. По официальным данным за аналогичный период в этой стране казни подверглось свыше 200 человек³.

Помимо «традиционных» преступлений против жизни, к наказанию в виде смертной казни в этих странах приговариваются лица, совершившие изнасилование, вероотступничество, а также уличенные в торговле наркотиками.

Помимо жестоких казней в этих и ряде других стран указанной правовой семьи имеют распространение иные жестокие наказания, сопряженные с членовредительством и публичным унижением, в частности – отсечение конечностей и порка. Предположительно исполнением таких наказаний может быть достигнута цель устрашения, посредством которой предполагается достижение и превентивной цели. Вместе

с тем такими наказаниями лицам, к ним приговоренным, причиняется существенный вред здоровью, унижаются их честь и достоинство, что очевидно не согласуется ни с нормами международного права, ни с принципом гуманизма, а лишь порождает новые проблемы, обусловленные необходимостью дальнейшей социальной адаптации этих лиц.

Эффективность действия угрозы наказанием, как известно, определяется его неотвратимостью. Решаясь совершить преступление, человек думает не только о последствиях своего деяния, то есть о наказании, но и о вероятности наступления этих последствий. Если такая вероятность не слишком велика, если есть общеизвестные примеры, когда закрепленная в законе угроза наказания за то или иное деяние оставалась всего лишь «мертвой буквой», то наказание, каким бы жестоким оно ни было, не окажет существенного сдерживающего воздействия. При этом государству нет необходимости практиковать жестокие или мучительные карательные меры, напротив, оно обязано избегать всякой жестокости, поскольку мучительные телесные наказания, грубое обращение с осужденными негативно воздействуют на общество в целом, не столько достигая цели общей превенции, сколько озлобляя и ожесточая людей, подрывая нравственность населения.

Чезаре Беккариа в трактате «О преступлениях и наказаниях» подчеркивает, что цель «наказания заключается не в истязании и мучении человека и не в том, чтобы сделать несуществующим уже совершенное преступление», а в том, чтобы воспрепятствовать виновному вновь нанести вред обществу и удержать других от совершения того же. Поэтому следует устанавливать только такое наказание, которое, при сохранении соразмерности с преступлением производило бы «сильное впечатление на душу людей и было бы наименее мучительным для тела преступника» [2, с. 24].

² URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/saudi-arabia/11822695/Saudi-Arabia-carrying-out-one-execution-every-two-days.html> (дата обращения: 28.10.2015).

³ URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-33635260> (дата обращения: 28.10.2015).

Полагаем, что наличие в санкциях ряда статей уголовного закона смертной казни (что вовсе не подразумевает обязательное применение этого вида наказания, ведь речь идет лишь о возможности его применения в исключительных случаях) не противоречит принципам гуманизма и иным морально-этическим категориям, хотя бы потому, что данное наказание (процедура исполнения которого, повторимся, исключает любую возможность глумления над осужденным или унижающего обращения с ним) предполагается применять к лицам, которые своими действиями, а именно совершением особо тяжких преступлений против жизни, попрали все мыслимые устои человеческого общежития, часто, лишая жизни своих жертв, в особо изощренной форме «вытерли ноги» о тот же гуманизм.

Здесь уместно вспомнить об А. Пичушкине, приговоренном в 2007 г. к пожизненному лишению свободы за совершение 49 доказанных судом убийств, человеку, который заявил, что лишь задержание правоохранительными органами остановило его злодеяния, что окажись он вновь на свободе – вновь пролил бы кровь⁴.

Это – один пример, подобных которому можно назвать множество. Это исключительные, выходящие из ряда вон преступления, которые в той или иной форме, в том или ином масштабе встречаются до настоящего времени и которые, как представляется, требуют применения исключительной меры наказания. Применение смертной казни в таких случаях позволяет наиболее близко подойти к достижению цели восстановления социальной справедливости. Превентивное значение данного наказания также трудно переоценить – с поправкой, конечно, на его неотвратимость.

Если взять в расчет все признанные международным сообществом государства, непризнанные и зависимые терри-

тории, то в мире можно насчитать около двухсот семидесяти стран. Однако для большей точности мы будем исходить из данных о членах Организации Объединенных Наций, в состав которой входят 193 государства, не считая нескольких стран-наблюдателей. В настоящее время в мире насчитывается 97 стран, в которых смертная казнь законом не предусмотрена; в 34 странах – смертная казнь предусмотрена в законе, но не применяется; в 9 странах смертная казнь установлена за отдельные преступления; в 56 странах смертная казнь применяется⁵.

По данным международной правозащитной организации Amnesty International, в 2014 г. наказание в виде смертной казни исполнялось в 22 странах. Общее же количество казней составило не менее 607, хотя при подсчете не учитывались соответствующие данные по Китаю и по некоторым регионам, где политическая ситуация характеризуется крайней нестабильностью (например, Сирия). Отмечается также, что за 2014 г. было вынесено не менее 2466 смертных приговоров (рост по сравнению с 2013 г. составил 28%)⁶.

Для нас наибольший интерес представляют страны, где наказание в виде смертной казни находится в таком же «подвешенном» состоянии, как и в Российской Федерации. Одной из таких стран является Республика Корея, на которой мы остановимся немного подробнее.

Как и в России, в Республике Корея действует мораторий на исполнение смертной казни, однако тождественная в целом ситуация имеет совершенно иной генезис и вызывает кардинально противоположное отношение к данному вопросу со стороны и общества, и государства.

Смертная казнь в системе наказаний, предусмотренной Уголовным законом

⁵ URL: <http://www.iformatsiya.ru/mirovaya-statistika/839-smertnaya-kazn-v-stranah-mira.html> (дата обращения: 28.10.2015).

⁶ URL: <http://www.amnesty.org.ru/sites/default/files/DP2014-ru.pdf> (дата обращения: 28.10.2015).

⁴ URL: <http://www.lenta.ru/lib/14163359/> (дата обращения: 28.10.2015).

Республики Корея (ст. 41⁷), занимает первое место, как наиболее суровое наказание. Важно, что в корейском законодательстве не прослеживается тенденция к отказу от смертной казни.

De-jure, в Республике Корея Уголовный закон предусматривает смертную казнь в санкциях 15 статей⁸. Так, данный вид наказания предусмотрен за: мятежные действия (ст. 87); убийство в целях совершения мятежных действий (ст. 88); побуждение к иностранной агрессии (ст. 92); переход на сторону врага (ст. 93); помощь врагу посредством рекрутирования солдат (ст. 94); предоставление врагу оборудования, которое может быть использовано в военных целях (ст. 96); шпионаж (ст. 98); причинение вреда жизни и здоровью, имуществу или общественному порядку посредством использования взрывчатых веществ (ст. 119); поджог чего-либо в целях причинения вреда жизни и здоровью другого лица, который привел к смерти (ст. 164); убийство (ст. 250); убийство, совершенное при похищении (отдельно выделяется похищение женщины или ребенка), либо при торговле людьми (ст. 291); убийство, совершенное после изнасилования, а равно изнасилование, повлекшее смерть (ст. 301-2); убийство заложника (ст. 324-4); убийство при совершении грабежа (ст. 338); убийство или изнасилование при пиратстве (ст. 340).

De-facto, в Республике Корея, как и в Российской Федерации, действует мо-

раторий на исполнение смертной казни, введенный в 1998 г. Интересно, что введение моратория состоялось по личной инициативе Президента Ким Дэ Чжун (его же указом и было оформлено), причиной чему послужило то обстоятельство, что Ким Дэ Чжун сам был приговорен к смертной казни в 1980 г. прежним руководством страны по политическим мотивам.

Однако в последние годы такое положение вещей подвергается критике. Так, в 2010 г. Конституционный суд Республики Корея указал, что применение наказания в виде смертной казни не нарушает права и свободы человека, а равно не нарушает и положения Конституции, в тексте которой «абсолютные базовые права» прямо не определяются. Более того, суд отметил, что Конституция предусматривает возможность ограничения любых прав и свобод человека, если это необходимо для обеспечения национальной безопасности, правопорядка и общественного благополучия. Право на жизнь человека, совершившего преступление (жестокое и «гноусное»), может послужить своего рода компенсацией за посягательство на столь же ценные жизни иных лиц, необходимой для восстановления баланса законных интересов [5, с. 23–24]. Затем и министр юстиции Кореи не исключил возможность восстановления практики исполнения смертной казни за тяжкие преступления «в самое ближайшее время», подразумевая при этом желание изменить перспективы для серийных убийц⁹.

Несмотря на то что решения об отмене моратория на исполнение смертной казни к настоящему времени нет, суды назначают это наказание отдельным. Подобный приговор, например, был вынесен в феврале 2015 г. в отношении военнослужащего, признанного виновным в убийстве пяти и ранении семи сослуживцев¹⁰. Пока действует мораторий, назначенное

⁷ Criminal Act of the Republic of Korea (Act No. 239 of September 18, 1953, as amended up to Act No. 11731 of April 5, 2013).

⁸ Здесь необходимо отдельно отметить, что помимо Уголовного закона в Республике Корея нормы уголовного права содержатся и в иных нормативно-правовых актах. То же касается и смертной казни, которая предусмотрена, например, в Законе о национальной безопасности, Специальном законе о наказаниях за половые преступления, Законе о наркотиках и др. См.: National Security Law, Law No. 3318, Dec. 31, 1980, last amended by Law No. 11042 of Sep. 15, 2011; Special Act on the Punishment of Sexual Crimes, Law No. 10258, Apr. 15, 2010, last amended by Law No. 11729 of Apr. 5, 2013; Narcotics Act, Law No. 6146, Jan. 12, 2000, last amended by Law No. 11984 of Jul. 30, 2013.

⁹ URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/nation/2010/03/113_62499.html (дата обращения: 19.10.2015).

¹⁰ URL: <http://www.bbc.com/news/world-asia-31107215> (дата обращения: 19.10.2015).

наказание не будет исполнено, а значит, как этот военнослужащий, так и более 60 других осужденных будут пребывать в состоянии неопределенности, сам факт наличия которого никак нельзя назвать проявлением гуманности [4, с. 162–164].

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что вопрос применения смертной казни к конкретному человеку необходимо решать исходя из личности этого человека (которая должна быть столь же «исключительной», как и исключительно тяжкое деяние, им совершенное), а также из конкретных обстоятельств дела. В действующем УК РФ, как и в других странах, наказание в виде смертной казни не предусматривается как абсолютно определенная санкция ни в одном из составов Особенной части. Более того, к примеру, в санкции ч. 2 ст. 105 УК РФ в качестве альтернативы смертной казни и пожизненному лишению свободы установлено наказание в виде лишения свободы с минимальным пределом срока в восемь лет, что не исключает применение условного осуждения при наличии в деле особых обстоятельств.

Полагаем уместным высказаться в пользу отмены моратория на исполнение наказания в виде смертной казни. Смертная казнь – единственное наказание, исполнением которого могла бы обеспечиваться безопасность граждан от новых посягательств на их жизнь со стороны конкретного осужденного. Реализация принципов гуманизма, содержание кото-

рого определяется обеспечением безопасности человека (ч. 1 ст. 7 УК РФ), социальной справедливости, достижение цели частной превенции в случаях применения этого наказания в отношении действительно виновного в соответствующем преступлении лица не вызывают сомнений.

В статьях 277, 295 и 317 УК РФ целесообразно снизить минимальный предел санкции в виде лишения свободы на определенный срок до восьми лет. В санкции ч. 3 ст. 205 и ч. 4 ст. 206 УК РФ включить наказание в виде смертной казни. Вопрос о ее назначении и исполнении должен зависеть только от обстоятельств дела и, если есть сомнение в виновности лица, смертная казнь ему не должна назначаться.

Наше мнение состоит в том, что запятую в фразе: «казнить нельзя помиловать» надо ставить в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств дела и личностных данных человека, вина которого доказана без каких-либо сомнений.

Нэнси Дэвис Рейган в одном из интервью сказала: «Я думаю, что многие остались бы в живых, существуя у нас смертная казнь». А мы полагаем, что, если даже в целом мире только один человек не совершит убийство, опасаясь, что его могут изобличить и тоже лишит жизни, смертная казнь должна быть в санкциях статей ограниченного законом числа норм, содержащих составы особо тяжких преступлений, связанных с посягательством на жизнь человека.

Пристатейный библиографический список

1. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Принципы уголовного права и основания его устойчивого развития // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 1.
2. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939.
3. Лопашенко Н.А. Уголовное наказание за убийство по УК РФ и его реализация на практике: проблемы справедливости // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 1.
4. Amnesty International Report. Amnesty International, 2013.
5. Lee Dong-Heub. Development and Current Situation of the Constitutional Adjudication in Korea // Seoul Law Journal. 2012. Vol. 53. № 2.